

РАННЯЯ ПУБЛИЦИСТИКА Н.С. ЛЕСКОВА. ОЧЕРКИ "СТРАСТНАЯ СУББОТА В ТЮРЬМЕ", "ЗА ВОРОТАМИ ТЮРЬМЫ"

EARLY JOURNALISM NS LESKOV. ESSAYS "HOLY SATURDAY IN A PRISON", "BEHIND THE GATES OF THE PRISON"

E. Kalesnik

Annotation

The article analyzes the essays NS Leskov "Holy Saturday in a prison", "Behind the gates of the prison," says the living conditions of the prisoners in the prison of St. Petersburg, approved by the social orientation of early journalism writer. Article allows a better understanding of the problems troubling N.Leskova at the beginning of his journalistic work, see the distinctive style of the writer, already manifested in this period.

Keywords: Nikolai Leskov, journalism, social issues, style.

Калесник Елена Юрьевна

Аспирант,

*Московский государственный
областной университет*

Аннотация

В статье анализируются очерки Н.С. Лескова "Страстная суббота в тюрьме", "За воротами тюрьмы", рассказывающие об условиях жизни заключённых в петербургской тюрьме, утверждается социальная направленность ранней публицистики писателя. Статья позволяет лучше понять проблемы, волновавшие Н.Лескова в начале его публицистического творчества, увидеть отличительные особенности стиля писателя, проявляющиеся уже в этот период.

Ключевые слова:

Николай Лесков, публицистика, социальные проблемы, стиль.

С начала своей журналистской деятельности Николай Семёнович Лесков (1831 – 1895) придавал большое значение социальным проблемам, во многих его статьях отражены такие стороны жизни населения, о существовании которых в российском обществе того периода было известно немного. Социально-острой проблематике посвящены его ранние статьи "Заметка о зданиях", "О рабочем классе" в газете "Современная медицина" [5], "О петербургском поиле, пензенском тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и некоторых попечителях Роберта Оуэна" [6] в газете "Северная пчела", где публицист говорит прежде всего о вопросах социальной гигиены. Так появляются его натуралистические зарисовки присутственных мест в Киеве, где не хватает уборных, одной из тюрем Пензенской губернии, где от душного и смрадного запаха можно задохнуться, картины о бедственном положении рабочих, живущих в сырых и холодных помещениях целыми семьями, о загрязнённости петербургской воды; смех сквозь слёзы вызывает описание пензенских тротуаров, ходя по которым, рискуешь лишиться здоровья. Вскоре Лесков пишет серию очерков о тюрьме в Петербурге, появившуюся на страницах "Северной пчелы" в 1862 году – "Страстная суббота в тюрьме", "За воротами тюрьмы". Как уже сказано, тема для публициста не была неизвестной, но в литературе она была нова и интересна для читателей. В этот

период публика познакомилась с художественными произведениями, в которых писатели впервые обратились к теме заключённых, в основном каторжников. Так, в 1861 году увидела свет первая часть "Записок из Мертвого дома" Ф.М. Достоевского, в 1862 – "Записки 1861–1862 гг.: Былое" М.И. Михайлова. Судьбы этих писателей непосредственно были связаны с пребыванием на каторге, в своих произведениях они отразили личные впечатления. Лесков тоже был хорошо осведомлён о вопросах судопроизводства, т.к. 1847–1849 гг. служил в Орловской палате уголовного суда, был помощником столоначальника по рекрутскому столу ревизского отделения Киевской казенной палаты, где по долгу службы ему приходилось присутствовать и при осмотрах, и при обысках, посещать тюрьмы; жизненный опыт, полученный будущим писателем до прихода в журналистику, в дальнейшем помогал в создании публицистических и художественных произведений. В условиях, когда общество требовало немедленного изменения существующей судебной системы, недостатки которой заключались прежде всего в множественности и сословности судов, а также в отсутствии устности и гласности, формализме судебного производства, жестокой карательной системе, волоките, низком уровне образованности личного состава суда и т.д. [см.:1]; когда на страницах отечественной прессы активно обсуждались вопросы предстоящей судебной ре-

формы, а правительство всячески приглашало общество к участию в её обсуждении, публикуя "Основные положения"* в печати, очерки Н.С. Лескова "Страстная суббота в тюрьме" и "За воротами тюрьмы" были особенно интересны публике.

* "Основные положения преобразования судебной части в России".

Публицист рассказывает читателю о своей поездке в две петербургские тюрьмы, которую ему помог осуществить один из директоров тюремного комитета Петр Семёнович Л. Говоря во вступлении о том, что у него имеется опыт знакомства с тюремными порядками в российских тюрьмах, а также в тюрьмах Англии и Франции, Лесков вспоминает о "сжимающем и гнетущем" [3, с.465] впечатлении от увиденного там прежде. Цель поездки для себя автор видит в том, чтобы "снова заставить свою душу поболеть и показаться" [3, с.465] и "просто <...> записать: как в страстную субботу 1862 года русские люди, сидящие в петербургских тюрьмах, ожидали светлого праздника" [3, с.466].

Очерки поделены на 4 части: в первой рассказывает об увиденном в так называемой "арестантской при части" или "тюремном здании при доме 3-й адмиралтейской части"*; во второй – даются зарисовки из женского отделения петербургской уголовной тюрьмы возле Театральной площади, в 3-ей – впечатления о мужском отделении этой же петербургской уголовной тюрьмы.

* Это схоже с современным изолятором временного заключения.

Первые три части наиболее близки к жанру физиологического очерка. Композиция каждой из них представляет собой калейдоскоп: картины жизни арестантов следуют одна за другой. Заключительная часть – наиболее "документальная" – носит название "За воротами тюрьмы", в ней автор говорит о практических мерах улучшения положения заключенных. Публицист ведёт повествование от своего имени, является центральной организующей фигурой очерков; ставя себе задачу "просто записать" увиденное, в основном говорит нейтрально, хотя в тексте есть очень эмоциональное отступление, когда Лесков вспоминает Т.Шевченко, смерть которого тяжело переживал. Примечательно, что в этих очерках отсутствует яркая обличительная интонация, автор-повествователь в тексте – это человек, достаточно лояльный к власти, видящий среди неё людей, радеющих за улучшение жизни общества.

Внешнее описание уголовной тюрьмы публицист дает в нескольких штрихах. Лесков отмечает, что здание петербургской тюрьмы внешне не похоже на обыкновенные остроги, почти всегда имеющие башни и стрельницы, ведь по бумагам они называются тюремными замками.

"Вид петербургской тюрьмы совсем не таков, – говорит автор. – Здание не претендует на фигуру "замка": это тюрьма с первого взгляда. Велико, серо, мрачно и печально" [3, с.479]. В самом описании тюрьмы преобладающим является мотив тоски, который усиливается не только введением цветовой гаммы "серо", "мрачно", но и описанием живущих на крыше птиц, пусть даже и галок: "У них есть крылья, которых нет у человека <...>" [там же].

Главными героями повествования являются арестанты, люди с разными судьбами: осужденные за бродяжничество, мошенники, воры, публичные женщины и сумасшедшие, грабители и пьяницы, а также люди, виноватые в "припадочности" или в "куричьей слепоте" [3, с.469]. Все по-разному попали сюда, у многих "одно за другое позачеплялось" [3, с.507]. Их образы Лесков часто рисует с художественной выразительностью и точностью. Одним из основных средств создания образа является лаконичный портрет арестантов, причём почти во всех портретах публицист уделяет внимание глазам как наиболее выразительной черте лица; также отмечает костюм, мимику, жесты:

"Арестант этот был молодой человек, брюнет, с довольно выразительной физиономией; волосы на голове у него были в беспорядке, и небольшие карие глазки искрились бессильным гневом и досадой. На нем был надет казенный суконный халат с высоким воротником, и он постоянно одною рукою запахивал этот воротник около своей шеи" [3, с.466]; "Немец стоял покойно и глядел беспечно. Ему было лет за 45, глаза голубые и лицо довольно симпатичное. Он стоял посреди комнаты и, заметив, что на него смотрят, шаркнул ногою, как воспитанник благородного пансиона, и опять сказал: "Кашель"" [3, с.468] и т.д.

Портретные характеристики арестантов благородного отделения, за исключением одного, отсутствуют, потому что там Лесков не увидел запоминающихся лиц – "все точно с Невского проспекта" [3, с.498]. Следует отметить, что портреты, как арестантов, так и служащих тюрьмы, публицист создаёт в реалистической манере, не применяя стилистические приёмы сатирического портрета, исключением является только описание двух полицейских солдат в комнате дежурного, первый из которых "стоял, прислонясь к стене, и, заложив руку за спину, тёрся об стену плечами; другой сидел на стуле, поджав рукою щеку, как будто собирался тотчас пить: Царя белого гусары /Петра Первого" [3, с.477].

Часто описание обстановки, в которой арестанты существуют, дополняет портретные характеристики персонажей. При этом публицист очень внимателен к деталям. Вот, к примеру, такое описание:

"Это отставной кавалерийский ротмистр***, судимый за разные подлоги. Лицо очень красивое, но неприятное. Говорит скоро и, видно, знает, что хочет сказать. В комнате накурено

благонной бумажкой, темные шерстяные занавеси на окне. Кровать опрятная, стол покрыт суконной салфеткой, на нем зеркальце, книги и несколько туалетных вещей" [3, с.475].

Камера мужика, сидящего "по оговору воровства" [3, с.473], напоминает "печальную, голую конуру" [3, с.475]. Это соответствует и изображению самого обитателя: "Лицо немытое, чернее грязной онучи, на койке скомкана свитенка, и больше ничего нет. Вонь душит так, что нельзя говорить. Во всей фигуре арестанта заметна совершенная опущенность" [с.473]. Убранство одной из женских комнат "состояло из двух коек и столика, но койки эти содержались далеко с большей опрятностью, чем койки арестантов-мужчин, у которых чехлы на кроватях были невероятно грязны" [3, с.467]; в комнате, где содержались публичные женщины, был "какой-то совершенно особый воздух, удушающий и в то же время подымающий рвоту. <...>" [3, с.471].

Встречи Лескова с арестантами и служащими тюрьмы чаще всего напоминают драматизированные сцены благодаря диалогам, которые автор активно включает в ткань повествования. Они выполняют здесь несколько функций: характеризуют персонажей, информируют читателя о мотивах их поведения и помогают развитию действия. Диалоги сменяет несобственно-прямая речь: "Еще какой-то чиновник с избитыми и искусанными руками просил, чтобы его выпустили, так как он никого не бил, а его били. Он взят за драку. Квартальный сказал, что и его тоже куда-то отправят" [3, с.470]. Особое внимание уделяет публицист речевой характеристике персонажей. В речи арестантов простонародного отделения особенно часто встречаются просторечные слова и выражения:

"Батюшка! Нельзя ли меня как ослобонить?", [3, с.469] "Припадок со мной анемедни случился..." [там же], "Нонче Плащаница святая..." [там же]; народные причитания: "Ваше высокоблагородие, помилуйте! Заступитесь! Который год Бог знает за что содержусь. Смерть моя! Хоть бы какое решение было" [3, с.486]; "Как, ваше высокоблагородие, не плакать! Жена, маленькие ребятки, праздник такой... что они, горькие, делают теперь? Господи ты, Боже мой!" [3, с.471].

Использование живой разговорной простонародной речи как литературный прием присутствует и при рассказе о служащих в тюрьме солдатах:

"- Отвел? - спросил солдат, у которого очень чесались плечи, и опять зевнул.

- Отвел. Как, братец ты мой, обрадовались! Жена эт-та, ребятенки, прыгают, визжат, как будто поганок обожрались; а мать старая-старичка так и дрожит.

- И мать жива? - спросил солдат и опять задвигал плечами об стену.

- Жива, только очень старая такая, что мышей не топчет" [3, с.477].

Главное, что объединяет речь арестантов – особая

трагическая интонация ожидания; в их репликах постоянно подчеркивается и безысходность, и смирение перед сложными жизненными обстоятельствами, и одновременно какая-то чудесная вера в хорошее в канун Светлого праздника: "Пожалуйста, полковник. Сами знаете, какой праздник" [3, с.467]; "Пожалуйста, полковник, похлопочите" [там же]; "Лишь бы вели скорее следствие. Я об этом только и прошу" [3, с.475]; "Да все ничего нет. Свидетелей нет; все тянут" [там же]; "Не можете ли <...> пособить, чтобы скорее решили дело?" [3, с.507], – вот те практически повторяющиеся слова, которые произносят заключенные. Публицист несколько раз особо обращает внимание на вялое ведение следственных дел, на "пренебрежение временем" [3, с.473], "этим сокровищем" [там же], из-за чего многие из арестантов испытывают дополнительные мучения, не зная, к какой участи им готовиться. Изображая заключенных, Лесков неоднократно подчеркивает, что ожидание, а тем более в страхе, делает человека бесильным, часто безразличным ко всему. Неспешность ведения дела и влияние этой неспешности на человека мы видим и в дворянском отделении уголовной тюрьмы, где условия содержания несравненно лучше, чем в простонародных арестантских, – есть "занавески, покрытые столы, ковры у кроватей, даже женские портреты" [3, с.498], заключенным разрешается без конвоя ходить по своему коридору:

"- Петр Семенович, - сказал какой-то молодой человек лет 20, - пожалуйста, похлопочите, чтоб меня не тянули.

- Похлопочу, непременно похлопочу.

- А то уж пятую неделю содержусь.

- Ах, неопытность! - сказал улыбувшись Л. - Пятая неделя! А вот сосед-то, посмотрите.

- Два года, - отозвался другой молодой человек с очень уставшим видом и махнул рукой" [там же].

Лесков привлекает внимание к тому, что иногда под стражей в тюрьме содержатся и душевнобольные люди, нарушившие общественный порядок. Запоминается эпизод с одной из арестанток, которую называют "дурочка". Поведение девушки автор, действительно, описывает как безумное. "Скажите, пожалуйста: зачем ее здесь держат? Ведь ясно, что она слабоумная или сумасшедшая" [3, с.489], – спросил он и услышал в ответ, что её "посылали на освидетельствование, так ученые порешили, что она здорова" [там же].

Печать суровости очень часто ощущается в описании тюремного быта тюрьмы "при части":

"Обыкновенная декорация: широкие нары, сыроватые стены и узенькие окна с железными решетками вверху" [3, с.468]; "одеяла из какого-то неведомого материала напоминали постели горничных девушек старых помещичьих домов В-ской губернии, для которых где-то покупались одеяла из так называемых "поплеков". Шерсть не шерсть, и не бумага, а так, черт знает что; узелки какие-то снизаны: и редко, и тяжело, и как-то

маслянисты на ощупь" [З, с.467] и т.д. Многие просторные арестантские камеры в уголовной тюрьме также производят тягостное впечатление: *"довольно просторные с довольно скверным воздухом"* [З, с.496]. *"Вместо кроватей какие-то скамьи, прикрепленные петлями у изголовья к стене, так что каждую скамью можно взять за ножки и поставить стоймя к стене", и хотя это сделано для удобства, всё равно "кровати смотрят очень неприятно"* [З, с.497] и т.д.

Публицист показывает отрицательное влияние тюремного заключения на многих, особенно впервые попавших в тюрьму, среди которых бывают не всегда окончательно погибшие в нравственном отношении люди. Тюремное окружение, подчинение правилам тюремной жизни и вынужденное бездействие нередко губят личность. Так, например, публицист говорит об одном из арестантов: *"Он человек заметно умный и не без дарований, но заметно также, что интересы его в тюрьме частью слишком сосредоточились на себе, частью измельчали: он говорит о мелких тюремных интригах, о Караханове, о других <...>"* [З, с.500].

Хотя Лесков здесь не углубляется в правовую сторону дела и не дает развёрнутую оценку существующим исправительным мерам российского законодательства – применению телесных наказаний, заковыванию в кандалы, помещению в карцер – но само описание этих мер или упоминание некоторых из них производит гнетущее, особенно тягостное впечатление. Так, публицист мимоходом сообщает о карцере, что его *"здесь, кажется, все очень боится"* [З, с.489], *"невольно"* останавливается *"перед <...> несчастным"* [З, с.497], закованным в кандалы, которые чуть ослабят в первый день Пасхи. Одним из самых тяжёлых видов наказания, публицист, по-видимому, считает наказание плетью. Во время обедни в церкви Лескову удалось увидеть людей, приговорённых судом к наказанию плетью: *"В углу направо стоят два человека, приговорённые к наказанию плетью через палача, одному назначено 65 ударов, другому что-то меньше. <...> Тот, которому назначено 65 ударов, рослый и плотный малый, хранит на лице спокойствие, непонятное в человеке, которого, как только пройдут праздники, рано утром повезут на Конную площадь и будут бить по обнаженной спине треххвостной плетью, так что деревянная доска, к которой его привяжут ремнями, будет корчиться от судорожных движений его мускулов"* [З, с.484].

Видно, что Лесков глубоко сочувствует тем, кому за провинности судом назначены телесные наказания, это его беспокоит. Так, уже спустя некоторое время, по дороге в контору, автор задаёт своему сопровождающему вопрос, как у них в тюрьме обстоит дело с наказаниями, и, услышав, что *"кроме карцера нет никаких наказаний"* [З, с.503], он ещё раз уточняет: *"Не секут?"* [там же] *"Нет! Может быть, в год один случай, и то после всех мер исправления и за серьёзные провинности"* [там же], – отве-

чает ему спутник. Лесков эмоционально выражает надежду на искоренение этой бесчеловечной меры: *"Забыл спросить, за какие; но и это слава Богу! А то Господи Боже мой! что бывало – то; что и теперь еще, вероятно, бывает в губернских и уездных острогах!"* [З, с.504]. А это публицист знал, о чём можно судить по его личным наблюдениям; свои воспоминания автор представляет в виде сценки из прошлого. Из её содержания ясно видно, что телесные наказания возмущают Лескова не только потому, что приносят человеку физические муки и унижают достоинство, а из-за распространённой практики их применения, когда наказание назначается за любую провинность, усмотренную тюремным начальством, и зачастую зависит не от вины преступника, а от того, кто именно распоряжается наказать его. Эта мера исправления настолько распространена в острогах, что в арестантах не вызывает уже ни страха, ни отвращения.

"Возился я раз в г. Г-ах со сдачей провианта для располагавшейся там команды. <...> Все люди знакомые. Стали мы у окна и покуриваем, а со двора несутся чуки-чук, ай-ай-ай, чуки-чук и опять ай-ай-ай. Что такое? Решения при полиции исполняют. <...> Я спросил арестанта, откуда он? Оказалось, что соседний мужик, отлучался без паспорта, попался, покормил года два острожных животных и теперь дождался себе решения, "отзвонили" его и выпустят "ко дворам". Я дал соседу четвертак на дорогу.

- Вот благодарим! - сказал арестант. - По копейке за розгу как раз, - прибавил он и опять рассмеялся.

- А тебе 25 дали?

- По суду двадцать пять.

- А разве еще и без суда секли?

- Вона!

- За что?

- За что почтешь; не ходи по лавке, не смотри в окно. Вот за что!

- Где ж тебя секли?

- Да в остроге.

- Разве там секут вас?

- Да какжнина божья неделя не проходит, чтоб кого не драли, да не по-судебному, - прибавил он, - а по сту, да по двести закатывают, ажно шкура у тебя только потрескивает, язык высунешь.

- Кто ж велит сечь?

- Да острожное начальство - городничий.

- Ну а за что?

- За то ж, за что говорил.

Арестант утерся рукавом и снова рассмеялся.

- Нет, ты правду скажи.

- Да как, что сказать-то? За все бывает...

- Ну, например?

- Ну вот таперь примераче последний раз меня ух как вычесали! за то что ношник у нас погас, а погасил его риштрантик тож ненарочно, да и говорит мне: вскричи, говорит, часового, а то скажут, нарочно сгасили плошку. Я подошел к двери и кри-

чу, а на ту пору городничий. Чего, говорит, орешь? Я ему докладаю: так и так мол. А он как рявкнет: мошеники, говорит, вы нарочно огонь тушите, мошеничеством заниматься хотите, да и повел меня.

- Ну?

- Ну и только, и задал баню.

- Тебе одному?

- Всем, почитай. Охочь он больно пороть-то, - добавил арестант.

- Так тебе судебное наказание уж не в страх?

- Да это что ж за страх, двадцать пять розог; поблекнешь для прилики, да и все тут.

<...> Как же не обрадоваться тому, что из 800 человек в целый год уж только одного секут?" [3, с.504–506] – заключает автор.

Несмотря на многочисленные положительные изменения: красивую церковь (причем помимо православного есть также мусульманский и лютеранский храмы), общую комнату в женском отделении, которая "более напоминает больницу или пансионский дортуар, чем тюрьму" [3, с.490], обустроенные садики во дворе, где прежде "сваливали мусор" [3, с.496], столовую в уголовной тюрьме, которая "без всякой натяжки и преувеличения, ни дать ни взять трапезная Киево-Печерской лавры, даже для довершения сходства в конце столов в простенке помещается большая икона с горящей лампадой и налож, на котором лежит церковная книга" [3, с.498], готовящуюся открыться столярную мастерскую в старом помещении амбара и т. п., всё же есть в тюрьме место, которое производит не менее гнетущее впечатление, чем некоторые камеры арестантов, и о необходимости изменить которое говорит автор. Это комната для свиданий заключённых с их близкими (parloire). Публицист называет её "печальной комнатой" [3, с.481], помещением, "посвящающим на нравственное и эстетическое чувство человека" [там же]. В это помещение "входят посетители; в коридорчике, образуемом двумя решетками, помещается тюремный досмотрщик, а за заднюю решетку впускают арестанта. Свет так слабо проникает за эту вторую решетку, что я сомневаюсь в возможности рассмотреть лицо арестанта" [3, с.480–481], – рассказывает автор и предлагает, "чтобы две решетки, разделяющие эту казарму, были вынуты и проданы на грохота, а на вырученные за них деньги казарма была бы выбелена и снабжена стульями с возвышенным местом для тюремщика" [3, с.481], который мог бы спокойно наблюдать за происходящим, но не стеснять говорящих своим присутствием. Приводя в пример заграничные тюрьмы, которые таким образом изменили комнату для свиданий арестантов с посетителями, Лесков замечает, что "уважение к людям должно бы найти место и у нас, особенно теперь, когда мы знаем о близости преобразования нашего судопроизводства <...> Такая переделка комнаты для свидания в столичной тюрьме была бы очень полезна, и казарма перестала бы тиснуть в душу то отвратительное впечатление, которое теперь естественно должны выносить из нее арестант и посетитель,

лишенные возможности подать друг другу руки, когда обоим им хотелось бы выплакаться на груди друг у друга. Тюрьма ведь устраивается для того, чтобы оберегать общество от вредных людей, а не для того, чтобы ожесточать человека, еще не потерявшего способности любить, жалеть о прошедшем и желать вести иную жизнь в будущем. Зачем же отнимать у лишнего свободы человека последнее утешение: видеть лица, сочувствующие его несчастью, и оживать с ними от гнетущего однообразия тюрьмы? Это не может входить, да и не входит в соображения законодательства. Это просто старина и нелепость, на которую я считаю долгом обратить внимание просвещенных благотворителей и благотворительниц тюремного комитета. Их влияние в этом деле может быть далеко не бесполезным, а в том, что они захотят употребить это влияние, я пока сомневаться не смею" [3, с.481–482].

К "вещам отжившим" [3, с.481] Лесков относит также деревянную посуду в тюрьме "при части", замечая, что "цинга и сифилис могут легко сообщаться при содействии легко всасывающих в себя деревянных (некрашенных) ложек и таких же чаш" [3, с.470].

В.Ю. Троицкий отмечает, что "молитвословие" [4, с.37] являлось для Н.Лескова не только важной стороной "созерцания православного человека" [там же], но и одним из способов показать "таинственную основу внутреннего мира русского человека" [там же]; с интересом наблюдает Лесков за заключёнными во время обедни в тюремной церкви. В русской литературе, начиная с древнерусских литературных памятников часто показывалась сила молитвы, ее помощь в поддержании духа, в избавлении от бед, в душевном умиротворении и успокоении. Может быть, оттого, что арестанты молились, а может, оттого, что будущий писатель уже тогда старался разглядеть в грешнике праведника, но лица заключённых, стоящих в церкви у обедни, публицист увидел "совершенно симпатичными", да и сами они, среди которых Лесков указывает и на убийц, не показались ему злодеями, окончательно потерянными для общества:

"Глядя на этих людей, из которых один плакал, я не чувствовал себя в обществе злодеев сон атоге. Мне они казались людьми, не умеющими управлять своими страстями, людьми, сбивыми с прямого пути и дошедшими до нравственного бессилия, но отнюдь не кровожадными зверями..." [3, с.484].

Гуманное отношение к заключённым публицист считал одним из основных условий их "исправления", пишет о необходимости уважения к личности независимо от её социального положения. Неоспоримая заслуга некоторых служащих тюрьмы, по его мнению, заключается в том, что к арестантам они относятся как к несчастным, проявляя и такт, и внимательность. Автор выражает желание, чтобы среди сотрудников тюрьмы было больше людей, способных понять несчастных и посочувствовать им, как могли это сделать его спутник г. Пётр Семёнович

Л., которому публицист даёт эпитет "обязательный" [3, с.503], надзирательницы, многие женщины "не без сердца" [3, с.494], и смотритель тюрьмы г. Повало-Швейковский, нередко обвиняемый коллегами "в слабости" [2, с.511], являющейся, по мнению Лескова, "человечностью" [там же]. Автор уверен в том, что условия взаимного уважения, основанного, с одной стороны, на доверии и с другой – на благодарности, имеют равную силу и в обществе преступников, как и во всяком другом. Публицист постоянно подчёркивает доброту, открытость, честность в общении Петра Семёновича с арестантами: все его о чём-то просили, каждому он находил слово участия, и по видимому, не раз многим помог на деле, потому что имел среди заключённых репутацию честного человека. Один из бывших заключённых, – *"молодой, безбородый человек, остриженный в скобку и одетый в прекрасную шубу с дорогим бровым воротником"* [2, с.508], принёсший в этот день в тюрьму подаюне, говорит, обращаясь к спутнику Лескова: *"Сам страдал, Петр Семенович, помню всякую ласку, и вашу ласку помню"* [2, с.509]. Публицист рассказывает об участии в судьбе заключённых, сострадания к их положению и множества обычных людей, которые в страстную субботу принесли большое количество куличей, пасхи, яиц. Одна из женщин, пожилая мещанка, ковылявшая за солдатом, произносит народную мудрость: *"Ни от сумы, ни от тюрьмы не отрекайся. Тюрьма, батюшка, еще не винит"* [3, с.486].

Публицист "Северной пчелы" положительно относится к труду заключённых, считая его неперемным условием перевоспитания людей, да и сами заключённые, по словам автора, работу просят: *"Уходя, Л. обещал арестантам достать работы, то же обещал он и женщинам, когда мы у них были: те и другие благодарили его целым хором. Видно, что работа, которую доставляют им директора, очень их радует"* [3, с.501].

Н. Лесков стал очевидцем того, какое благотворное влияние может оказать на арестантов правильная организация труда. Контрастно светлыми по сравнению с увиденным в арестантских являются впечатления от сапожной мастерской и кухни: *"Здесь приятный рабочий беспорядок и мягкие, добрые лица. Комната большая, но Л. говорит, что она тесна и что готова уже еще другая мастерская. За работу мы застали только одних сапожников; их было человек 10-12. Есть очень молодые ребята, есть и пожилые люди. Л. велел показать мне работу. Пожилой арестант с черными бакенбардами подал пару отделанных, но еще не вычищенных сапог, на деревянных гвоздях, с двойною подошвою. Товар довольно плотный и даже грубоватый, но работа прекрасная"* [3, с.501]; *"В общей арестантской кухне очень чисто, посуда блестит лучше, чем в кухне английского клуба. Повара (арестанты же) в чистом белье и фуражках. Лица у всех рабочих арестантов, а особенно у пекарей, квасника и поваров, такие хорошие и симпатичные, что ни один физиономист, я думаю, не решился бы назвать этих людей преступниками"* [3, с.502].

Лесков отмечает еще один весомый момент в оздоровительных мерах тюрьмы. Он констатирует, что существенную помощь заключённым может оказывать литература религиозно-нравственного содержания, наиболее отвечающая целям заведения, а цели эти автор видит и в душевном успокоении, и в исправлении нравственности преступников, и в их возвращении в нормальную человеческую жизнь. К такой литературе автор относит повести и рассказы, в том числе выдержки из летописей, жития святых и биографии известных исторических личностей, которые помогут заключённым яснее увидеть, как человек должен поступать, каких положительных результатов может достичь, чего должен остерегаться. Публицист подчёркивает, что к тому же именно такие книги и любит народ.

Книги же, составляющие тюремную библиотеку, хотя в основном и духовного содержания, но по-настоящему полезными не являются, так как в преобладающем количестве присутствуют молитвословы и святцы. *"Нужно непременно давать те книги, которые нравятся и из которых народ вычитывает примеры нравственной жизни. Такое чтение всего приличнее для заключённых, и потому нужно стараться доставлять книги, способные очищать и умиротворять встревоженный дух, а не занимать человека только процессом чтения"* [3, с.506], – заключает автор.

На протяжении всего повествования Лесков старается быть фактографически точным, неоднократно приводя документы, поясняющие читателю условия жизни заключённых, например, сведения о количестве арестантов в одной из тюрем, распорядок дня арестантов уголовной тюрьмы; обширная таблица в заключительной части очерков содержит информацию о продуктах, отпущенных 835 арестантам, находящимся в страстную субботу в тюрьме. С целью познакомить читателей с действиями властей, отвечающих за содержание тюрем, публицист приводит подлинник довольно объёмной выписки из "журнала экстренного заседания комитета общества попечительного о тюрьмах, состоявшегося 5-го января 1862 года" [2, с.512], в которой отражена деятельность комитета за несколько предыдущих месяцев и содержится план действий на последующее время; следует сказать, что всё направлено на улучшение как содержания заключённых и их "нравственного улучшения" [2, с.514.], так и тюремного хозяйства. Лесков отмечает, что хотя такие же выписки переданы всем директорам (около 40), "но деятельное участие в судьбе арестантов принимают только 14 человек" [2, с.515], имена которых он перечисляет, "чтобы сторонние люди, желающие принять какое-либо участие в арестантах или желающие доставить заключённым пособия или работы, могли, не затрудняясь, обратиться к прямым и бескорыстным слугам заключённых" [2, с.516].

Своей работой Н.Лесков старался привлечь внимание общественности к проблеме заключённых, помочь раз-

решить злободневные проблемы, связанные с их положением, его очерки "Страстная суббота в тюрьме" и "За воротами тюрьмы" явились значительным вкладом в дело "народного блага", способствовать которому писатель всегда считал важнейшей задачей литературы.

Очерки, являющиеся блестящим образцом ранней публицистики Н.С. Лескова, позволяют ещё раз подтвердить вывод о том, что Лесков как сторонник гуманистической формы общественной жизни в социальном устройстве главным во взаимоотношениях человека и общества считал уважение к личности, придавал большое значение просвещению, но рассматривал его не только как приобретение и распространение знаний, но прежде всего как воспитание, формирование в человеке культуры духовности. Мы видим и то, как формировался особый

литературный стиль писателя – Николай Лесков и в ранних публицистических произведениях предстаёт перед нами прежде всего талантливым художником, живо и ярко рисуя отдельные сцены и эпизоды, используя богатые возможности народного языка, даже через бытовые вопросы раскрывая важнейшие проблемы общественного устройства и национального своеобразия. Как уже упоминалось, многие наблюдения Лескова–журналиста дали ему богатый материал для художественных произведений, а публицистичность стала одной из основных черт его художественного творчества. Гениальный талант, живой интерес к человеку, к окружающей жизни, тонкое чутьё к слову, умение применять жизненный опыт помогли Н.С.Лескову сформироваться не только как великому писателю, но и как яркому публицисту, занять почётное место в русской литературе второй половины 19 века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочкарёв В. Н. Дореформенный суд//Судебная реформа/ Под ред. Н.В.Давыдова и Н.Н.Полянского. Т.1.М., 1915
2. Лесков Н.С. За воротами тюрьмы // Собр. соч. в 30–ти томах.Т.1. М.: Терра, 1996. С.508–517.
3. Лесков Н.С. Страстная суббота в тюрьме// Собр. соч. в 30–ти томах.Т.1. М.: Терра, 1996. С.465–507.
4. Троицкий В.Ю. Россия Лескова: русская идея и русский характер (к вопросу о методологии исследования). // Н.С.Лесков в пространстве современной филологической мысли (К 175–летию со дня рождения). Под ред. И.П.Видуэцкой. М.: ИМЛИ РАН. 2010. С.31–42.
5. "Заметка о зданиях" // Современная медицина. 1860 №29. "О рабочем классе" // Современная медицина. 1860, №32.
6. "О петербургском пойле, пензенских тротуарах и орловских мостах, а также о разных бедных людях и некоторых попечителях Роберта Оуэна". // Северная пчела.1862, №90.

© Е.Ю. Калесник, (helirmai@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

